

ДИСКРИМИНАЦИЯ ИСКЛЮЧЕННЫХ ГРУПП В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Кордайский погром: дунгане Казахстана в поисках справедливости	4
---	---

Нарушения прав памирского населения Горно- Бадахшанской автономной области Таджикистана: эскалация 2021-2022 гг.	14
---	----

О событиях в Каракалпакстане в начале июля 2022 года.....	22
--	----

КОРДАЙСКИЙ ПОГРОМ: ДУНГАНЕ КАЗАХСТАНА В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОСТИ

7 февраля 2020 года в Казахстане произошел самый масштабный за последние годы межэтнический конфликт — нападение сотен погромщиков на дунганские села Масанчи, Сортобе, Булар Батыр и Аухатты. На фоне привычного представления о собственной стране как о «райском месте, где в мире и дружбе живут разные народы», которое культивировалось у казахстанцев во время правления Назарбаева, новости о трагедии в Кордайском районе разрывали социальные сети и стали едва ли не самой обсуждаемой темой в СМИ. Гораздо менее заметной была реакция властей Казахстана, а международное сообщество фактически промолчало (международные организации и независимые эксперты не были допущены в зону конфликта).

Казалось бы, даже официальная статистика красноречиво говорит о том, кто стал пострадавшей в конфликте стороной: погибли 10 дунган и 1 казах, ущерб от уничтоженного и поврежденного имущества, принадлежащего дунганам (домов, хозяйственных построек, объектов торговли, транспортных средств) исчисляется миллионами долларов. Долгосрочным и очень серьезным последствием антидунганского погрома стал сильнейший психо-

логический стресс детей и взрослых — жителей пострадавших сел, утрата чувства безопасности и доверия к окружающим. Однако власти Казахстана до сих пор отрицают, что конфликт имел национальный подтекст, называют случившееся массовыми беспорядками и не признают дунган потерпевшей стороной. То же происходит в целом и с общественным мнением: продолжают звучать речи о том, что дунгане — это «гости», злоупотребившие добрым расположением казахских «хозяев», «приютивших их на своей земле».

Однобокое расследование и преследование дунган из пострадавших сел

Власти Казахстана сообщали о 120 уголовных дел, возбужденных в связи с погромами в Кордайском районе. 27 марта заместитель генерального прокурора Ерлик Кенебаев заявил о задержании 25 человек, которые активно принимали участие в массовых беспорядках. По его заявлению среди задержанных казахи, дунгане, кыргызы. 14 апреля городской суд Алматы арестовал 24 задержанных сроком на два месяца — до конца мая по подозрению в участии в массовых беспорядках. Жизнь и здоровье задержанных подвергаются опасности: 29 апреля 2020 года из сообщения пресс-службы Генеральной прокуратуры Казахстана стало известно, в 8.00 в алматинском СИЗО, в санузле, с порезами в области предплечья левой руки сокамерниками был обнаружен Бекбол Кибаяев, арестованный по подозрению в участии в массовых беспорядках в Кордайском районе. Спасти его жизнь не удалось, он умер от потери крови.

Следствие вообще ведется крайне непрозрачно и, насколько можно судить, однобоко. Сразу после погрома было задержано 47 человек, трех дунган арестовали, а 44 казаха — отпустили. На момент 13 мая, из 25 задержанных/осужденных дунгане составляют большинство — 17 человек, из этих 17-ти пятеро — это уже осужденные участники конфликтов, предшествующих погромам. Так, 24 апреля 2020 года Кордайский районный суд вынес приговор дунганам — отцу и сыну Юнху, у которых 5 февраля произошел бытовой конфликт с казахской семьей Кудашбаевых в селе Сортобе (ситуация не была связана с погромами, но впоследствии этот конфликт объявили непосредственной причиной погрома). Эрсмане Юнху приговорили к 2,5 годам ограничения свободы и шести месяцам исправительных работ. Его сын Марат Юнху получил два с половиной года лишения свободы, на обоих наложили огромные штрафы, хотя непосредственно после инцидента конфликт был исчерпан: пострадавшая казахская семья приняла извинения Юнху и значительные денежные компенсации. Сторона защиты считает, что приговор вынесен несправедливо, на основании ложных данных. Трое участников конфликта с дорожной полицией тоже осуждены — на 1,5 года лишения свободы.

На данный момент неизвестно, установлены ли и задержаны ли подозреваемые в преступлениях против дунган — убийствах и телесных повреждениях, уничтожении собственности и кражах. Зато полная ясность с тем, как преследуют дунган: от них приходит информация о непрекращающихся нарушениях их прав, незаконных обысках и

пытках задержанных в отделах полиции во время многочасовых допросов (это избивания, надевания на голову пакетов, запугивание). Им вменяют в вину бросание камней при попытке остановить погромщиков и пытаются выбить признание в тяжком преступлении — убийстве этнического казаха, который активно участвовал в погроме и погиб (очевидцы утверждают, что он насмерть сбил своим автомобилем двух дунган, а погиб, когда врезался в бензоколонку). АДЦ «Мемориал» располагает заявлениями, поданными в органы прокуратуры и излагающими обстоятельства незаконных действий полиции в конце апреля 2020 года, и фотографиями пострадавших со следами избиений и пыток. Эта информация была доведена до сведения правозащитников, работающих в Казахстане по противодействию пыткам, появилась она и в СМИ.

Подробно хронология задержаний, обысков и допросов, проходящих с грубейшими нарушениями законности, изложена в обращении дунганской общественности к международным организациям от 14 мая 2020 года. Сообщается о запугивании и психологическом давлении, обысках и задержаниях в ночное время суток, об участии в этих действиях военнослужащих особых воинских формирований, скрывающих свои лица под масками, о многочасовых допросах, о применении во время допросов пыток, избиений. Не всегда сотрудники полиции показывают служебные документы, санкционирующие обыск и задержания, с их стороны допускаются оскорбления и угрозы в отношении членов семей дунган. Есть случаи смерти родственников задержанных на фоне полученного стресса. Из-за ситуации с эпидемией Covid-19 и связанными с ним ограничительными мерами практически у всех задержанных нет доступа к квалифицированной адвокатской помощи, так как введено ограничение на передвижение. Интересы всех задержанных представляют государственные адвокаты из Кордая, привлечь адвокатов из Алматы или других регионов не представляется возможным.

В конце апреля дунган опять стали задерживать. Например, А.Масанов был задержан в своем доме рано утром без предъявления каких-либо документов, на него надели наручники и отвезли в РОВД, где сразу начали избивать пять сотрудников полиции, заставляя признаться в убийстве и угрожая, что в случае непризнания его посадят на 20 лет. Его избивали и пытали целый день, выводя из здания РОВД каждые три часа. Отпустили его только в 10 часов вечера, пригрозив, что, если кто-то узнает об избиениях и пытках, ему будет хуже. Задержаниям подвергаются и пожилые люди. В конце апреля из-за стресса во время обыска умерла пожилая женщина Цундер Хусезова (ее сына увезли на многочасовой допрос, откуда он вернулся поздно ночью весь избитый); сообщалось, что 28 апреля 2020 г. во время обыска в доме Д.Сейшанло (с. Булар Батыр) женщине стало плохо, она упала в обморок.

Пострадавшие в конце апреля при задержаниях и обысках дунгане обратились в органы прокуратуры, однако и после обращения ситуация не изменилась: 5 мая, спустя 3 месяца после произошедшей трагедии, 35 жителей сел Булар Батыр и Сортобе были доставлены в Кордай для проведения судебно-медицинской экспертизы, а в ночь на 6 мая 2020 года был проведен обыск в доме погибшего в результате беспорядков Лугмара Лохаш, после которого задержали троих его братьев (Рамазана, Наби и Леджера), не принимавших участие в событиях 7-8 февраля 2020 года. Их тоже пытали с тем же требованием: взять на себя вину за убийство, произошедшее во время погромов.

12 мая были задержаны жители с. Сортобе — И.А.Кимуров, И.Ш.Хижин, М.Щ.Хижин — их арестовали на 2 месяца с предъявлением обвинения по ст.272 УКРК (участие в массовых беспорядках). А уже 13 мая, как говорят их родственники, им предъявлено обвинение в убийстве того самого погромщика и якобы получены признательные показания. 13 мая с грубыми нарушениями прошли обыски у А.Машанло, Б.Даурова, И.Чешанло, их допрашивали в РОВД с. Кордай. Дауров отпущен под подписку о невыезде, двое других задержаны. 14 мая был приглашен как свидетель, а затем арестован на 2 месяца Ш.Г.Сангуй, в отношении которого возбуждено уголовное дело по ст. 99 ч.2, пп. 7,11,15. Для обвинения в убийстве хватило признания немолодого религиозного человека в том, что он в условиях погрома «взял вилы и пошел на защиту села». Число задержанных может быть и больше: их запуганные родственники не всегда готовы открыто говорить об этом.

В своих реакциях на случившееся правительство отрицает этнический характер конфликта, хотя материалы, разжигающие межэтническую рознь и искажающую ситуацию в Кордайском районе в феврале 2020 года, распространялись в том числе известными общественными деятелями и политиками. Последние не были привлечены ни к какой ответственности.

Кроме этого, пострадавшим от погромов до сих пор не выделена компенсация и помощь от правительства. Многие семьи лишились всего своего имущества, бизнеса и оборудования и находятся в очень сложной экономической ситуации, полагаясь только на помощь своих родственников. Цитируем обращение дунганского активиста к международным организациям:

Что касается вопроса возмещения материального ущерба, причиненного в результате конфликта, то до настоящего времени, по истечении 3-х месяцев, ни один человек, ни одна семья, ни один представитель бизнеса не получил ничего. Мало того — государство вообще отказалось от выполнения своих обязательств по возмещению вреда. Был создан частный благотворительный фонд «Щивон» учредителями которого выступают частные лица дунганской и казахской национальностей, которые в соответствии с их уставом, должны будут привлекать частные пожертвования и распределять эти средства для пострадавших, по смете, утверждённой правительственной комиссией по подсчету убытков в результате трагедии 7-8 февраля 2020 г. Вся деятельность фонда внешне управляется районным и областным руководством, обозначенные руководители фонда являются ими номинально, не имея никаких полномочий, но при этом имеют полную ответственность за хозяйственную часть. Сам процесс определения стоимости ущерба пострадавшим, проходил формально, не проводились никакие консультационные работы с населением, не исчислялись убытки, понесенные предпринимателями. Представители комиссии в лице местных органов власти приносили договоры на оказание помощи и требовали просто поставить подписи в них. Многие отказывались от подписи, не согласившись с суммой компенсации, что, в свою очередь, влекло угрозы, давление со стороны местных органов власти и правоохранительных органов. Любые попытки сообщества придать открытость деятельности по оценке имущества и возмещению ущерба пострадавшим либо игнорируются, либо встречают угрозы или преследование».

Как происходил погром

Трагическим событиям 7 февраля предшествовали два не связанных друг с другом конфликта между дунганами и казахами в Кордайском районе. Первый из них произошел утром 5 февраля на автомобильной трассе недалеко от села Сортобе и закончился дракой между группой молодых дунган и казахов, в результате которой пострадал (получил перелом ноги) пожилой казах. В тот же день дунганские старейшины принесли извинения пострадавшему и заплатили компенсацию семье, таким образом конфликт был улажен (подобная практика разрешения конфликтов существует на протяжении многих лет). Второй конфликт произошел днем 7 февраля 2020 года в районе села Масанчи, где сотрудниками дорожной полиции был остановлен легковой автомобиль, за рулем которого был молодой дунганин — житель села Сортобе. Водитель не подчинился требованиям сотрудников полиции проследовать в участковый пункт и попытался скрыться, но был настигнут патрулем во дворе своего дома, где его родственники напали на полицейских. Трое дунган — участников конфликта были арестованы и уже осуждены.

Оба этих инцидента получили широкую огласку в мессенджерах и социальных сетях 7 февраля, причем, будучи неодномоментными и не связанными друг с другом, они были поданы как одно целое и сопровождаются агрессивными националистическими призывами. Распространялась и ложная информация (в частности, о том, что пожилой мужчина, пострадавший в первом конфликте, скончался от полученных травм). Заместитель министра внутренних дел Алексей Калайчиди, отвечая на вопросы журналистов, сообщил, что те, кто распространял провокационные сообщения и комментарии, находились в разных районах страны, но посчитали нужным поучаствовать в нагнетании ситуации. В результате множество пользователей видеосервиса YouTube и социальной сети Instagram в постах о произошедших событиях воспроизводили провокационные комментарии крайне националистического толка и призывали казахов собраться и дать отпор дунганам.

Уже к вечеру у села Масанчи произошла массовая драка с участием около 30 человек с каждой стороны, окончившаяся бегством напавших первыми казахов. Однако уже через два часа к месту первой драки из других населенных пунктов съехалось, по мнению очевидцев, около 2000 казахов, навстречу которым вышло около 300 дунган. Туда же приехали руководители районной администрации, глава полиции района и лидеры дунганской общины, которые призвали собравшихся к миру, однако со стороны казахской толпы раздалась стрельба, в результате которой один дунганин погиб на месте и двое были ранены. Дунгане обратились в бегство, а толпа казахов двинулась на село Масанчи. По словам очевидцев, впереди нападавших ехали грузовые автомашины, оборудованные защитными щитами с лобовой стороны. С этих машин нападавшие обстреливали дунган и забрасывали их камнями. За грузовиками шли легковушки, на которых приехали погромщики и мародеры. Последними шли поджигатели.

Прибывшие на место событий сотрудники полиции и СОБР почти не вмешивались в происходящее и не препятствовали действиям нападавших. Более того, есть свидетельства о том, что некоторые полицейские, как в гражданском, так и в форме,

принимали активное участие в грабежах. Лишь ближе к ночи полиции и местным жителям удалось вытеснить толпу нападавших за пределы села Масанчи и обеспечить охрану всего населенного пункта, который к тому моменту был окутан огнем и разгромлен почти полностью.

После погрома в Масанчи часть нападавших организованно поехала по трассе в сторону Кордая, где к ним присоединились новые группы погромщиков, приехавших из Шымкента, Алматы, Тараза и других городов. Вернувшись, они разгромили и разграбили дунганское село Булар Батыр, жители которого спасались бегством. Большая часть дунган покинули свои села и направились в сторону границы с Кыргызстаном в надежде спастись на территории соседней страны, но пограничники сообщили им, что граница закрыта как для въезда, так и для выезда до утра.

Из всех дунганских сел только в Сортобе жители были готовы к нападению и встали на защиту села. Там произошло последнее и самое масштабное столкновение с использованием огнестрельного оружия с обеих сторон.

Лишь к 5 утра 8 февраля, когда спустя более 13 часов после начала конфликта ОМОН и войска Национальной гвардии наконец прибыли на место событий, погромы и столкновения прекратились. В Кордайском районе был введен режим чрезвычайной ситуации, с установлением КПП на въезде и выезде из сел.

Последствия кордайских событий стали настоящим потрясением для дунганской общины Казахстана и соседнего Кыргызстана, принявших в своих домах несколько тысяч беженцев. Лишь по официальной версии, за время конфликта погибло 11 человек, среди которых 10 дунган и 1 казах; за медицинской помощью обратились 141 человек, из них 19 — сотрудники полиции¹; было сожжено 39 частных домов, 20 объектов торговли и 47 автомобилей. По данным пограничной службы Казахстана, в период 7-9 февраля границу пересекли 24 тысячи человек (это число включает тех, кто бежали в Кыргызстан, вернулись на следующий день и затем, опасаясь возобновления конфликтов, вновь покинули Казахстан). По предварительным оценкам, материальный ущерб от конфликта составил 1,7 млрд. тенге, что примерно соответствует 4,5 млн. долларов США.

На какие вопросы ответов до сих пор нет

Почему реакция властей Казахстана на погром была такой запоздалой?

Вечером 7 февраля, когда погромы были в самом разгаре, президент Казахстана в своем Твиттере оценил события как «групповую драку из хулиганских побуждений» и сообщил, что ситуация в Кордайском районе нормализовалась и подконтрольна.

1 <https://primeminister.kz/ru/news/na-segodny-situaciy-v-kordaiskom-raione-stabilnay-b-saparbaev>

на полиции. В то же время с момента начала конфликта на территории дунганских сел доступ в Интернет был ограничен, были заблокированы мессенджеры, в Масанчи была отключена мобильная связь и электричество. Поэтому до властей Казахстана (президента и депутатов) через СМИ пытались достучаться представители дунган из Кыргызстана, где Интернет работал. Председатель ассоциации дунган Х.Ш. Дауров, который во время погрома был ранен и по счастливой случайности остался жив, сообщил журналистам информационного агентства «Kaztag», что погромы дунганских сел продолжаются, вопреки официальной информации. Только после общественной огласки местные представители власти сообщили, что в Кордайский район едет помощь из Жамбылской области и из Алматы, и только после этого полиция стала предпринимать активные действия по защите дунган и вытеснению погромщиков из Масанчи.

Почему войска и полиция так долго добирались до места погромов?

ОМОН и силы Национальной гвардии появились на месте событий в 5.25 утра 8 февраля 2020 г., т.е. через 13,5 часов после начала конфликта (условно с 16.00 7 февраля 2020 г.). Столь длительное промедление дает повод пострадавшей стороне подозревать его намеренный характер. Расстояние от Масанчи до г. Тараз — 365,8 км, до Алматы — 260,3 км, до пограничного поста Отар — 127,9 км, до Кордая — 52,4 км. Во всех вышеперечисленных населенных пунктах есть внутренние войска, которые могли бы прибыть в Масанчи за 1 — 4,5 часов. Причины позднего реагирования сил правопорядка нуждаются в непредвзятом расследовании. Действия должностных лиц, отдававшие приказы о столь неспешном перемещении специальных сил полиции и гвардии, должны получить правовую оценку.

Был ли погром организованным?

О том, что погром был не спонтанным, а заранее подготовленным, говорят следующие сообщения очевидцев: нападение в Масанчи последовательно осуществлялось организованными группами (стрелков и метателей камней с грузовых машин, оборудованных впереди металлическими щитами; грабителей, выносивших из домов и магазинов имущество, угонявших скот; поджигателей, бросавших профессионально изготовленные бутылки с воспламеняющимися от удара веществами, на подготовку которых необходимы навыки и время); свидетели сообщали о наличии среди нападавших криминальных элементов, которые руководили процессом, причем часть нападавших были из других регионов Казахстана — такая координация требует времени; участники событий утверждают, что жители казахских сел были предупреждены о предстоящих столкновениях и 7 февраля 2020 года администрации средних школ и детских садов отменили занятия в этот день.

Свидетельства очевидцев о целенаправленной подготовке погрома нуждаются в тщательной проверке и непредвзятом расследовании. Если действительно имела место мобилизация погромщиков из разных регионов посредством интернет-ресурсов, изго-

товление специальных средств (бутылки с зажигательной смесью), переоборудование автомашин для нападения и погромов, другие подготовительные мероприятия — это не могло не быть замечено органами правопорядка, и следует ставить вопрос об их бездействии, которое привело к столь трагическим последствиям.

Попытки добиться справедливости: на кого рассчитывать этническим меньшинствам Казахстана?

8 мая 2020 года дунгане из пострадавших сел обратились с открытым письмом к властям Казахстана, СМИ и международным организациям, где изложили факты незаконных задержаний и пыток: «После пережитой трагедии наши дети до сих пор плохо засыпают по ночам, даже взрослые напуганы и боятся выходить на улицу, боясь быть задержанными, пострадавшие до сих пор не получили никаких выплат и компенсаций за причиненный ущерб. Мы взываем ко всему казахстанскому обществу: защитите нас, ведь мы такие же граждане страны! Мы устали бояться! Мы хотим мира!».

Это обращение стало жестом отчаяния дунган, уставших от произвола со стороны силовых структур и фактической травли, которую они вынуждены терпеть в последние три месяца. Казалось бы, после пережитой трагедии власти Казахстана должны были оказать всестороннюю поддержку дунганской общине, но решение гуманитарных вопросов, психологической поддержки пострадавшим, а в некоторых случаях и медицинской помощи осуществляется в основном силами самого дунганского сообщества.

Дунгане, живущие в Казахстане, запуганы и, в том числе в условиях пандемии, не имеют возможности защищать свои права. Солидарность с ними проявляют дунгане из Кыргызстана. Так, в обращении от 14 мая они призвали международные организации²:

1) обратиться к властям республики Казахстан с требованиями прекратить преследование дунганского сообщества, привлечь к ответственности руководящих лиц, допускающих нарушение основополагающих прав человека и применение пыток. Обеспечить беспристрастное расследование событий 7-8 февраля в Кордайском районе и привлечь к ответственности организаторов массовых беспорядков, повлекшие гибель людей. Возместить пострадавшим лицам и предпринимателям ущерб, понесенный в результате беспорядков.

2) Оказать содействие в посещении представителями договорных органов ООН и других международных организаций места трагедии с целью сбора и получения прямых доказательств и данных по произошедшим событиям. С момента событий ни одна из международных организаций, в том числе пред-

2 Обращение дунган к договорным органам и спецпроцедурам ООН

<https://adcmemorial.org/wp-content/uploads/obrashshenie-dungane.pdf>

ставительства которых расположены на территории страны, за исключением гуманитарных, не смогли посетить место событий, либо им было отказано в этом со стороны официальных властей Казахстана.

Тревожные сигналы, которые не были услышаны

Кордайские события 7-8 февраля — самый жестокий, но далеко не первый за последние годы случай проявления межэтнической розни. В недавнее время в Казахстане неоднократно возникали конфликты этнического характера, спровоцированные различными причинами: от банальных бытовых ссор до более глубоких проблем, связанных, с одной стороны, с неинтегрированностью этнических меньшинств, населяющих Казахстан, и, с другой стороны, с ростом популярности идей национал-патриотов. Стоит вспомнить массовую драку казахов с чеченцами в Алматинской области в 2007 году, приведшую к гибели 9 человек и погромам чеченских магазинов и домов, хозяева которых не имели отношения к конфликту. В том же 2007 году неподтвержденные слухи об изнасиловании казахского ребенка вылились в поджоги домов и нападения на курдов в селе Маятас, которые продолжались три дня. В результате 90% жителей села вынуждены были бросить свои дома и спастись бегством. В 2015 году в Сарыагашском районе Южно-Казахстанской области убийство казахского чиновника спровоцировало погром десятков домов и автомобилей, принадлежащих таджикам. Наконец, в 2018 году драка в армянском ресторане между молодыми людьми, среди которых были представители различных национальностей, привела к многолюдным антиармянским акциям и митингам в Караганде, после которых несколько армянских семей, боясь расправы, покинули город.

Кордайский погром объясняли чем угодно, только не межэтническими противоречиями. Высказывались предположения, что его цель — дискредитация предыдущего / вариант — действующего президента страны, лишение Казахстана морального права критиковать Китай за преследование казахов, причиной конфликта называли криминальные разборки. «Победила» официальная версия: конфликт на бытовой почве, спонтанно переросший в межэтнический.

Необходима серьезная дискуссия о межэтнических отношениях в Казахстане

Несмотря на то, что конфликт в Кордайском районе носил ярко выраженный межэтнический характер и, по ряду признаков, был заранее спланирован, власти Казахстана не признали этнических или расовых мотивов нападавших и в течение нескольких дней скрывали его реальные последствия. Произошедшее было названо «массовой дракой» или «криминальными разборками», причем, дунган представляли скорее как зачинщиков конфликта, нежели его жертвами. Тем временем от правозащитников и активистов стали поступать сведения, что государственные органы Казахстана вмешиваются в деятельность

СМИ с требованием транслировать только официальную позицию, не допускают международные и казахстанские правозащитные организации в район, где произошли погромы, и оказывают давление на пострадавших дунган и адвокатов, защищающих их интересы.

Ксенофобные выпады и призывы к насилию, звучавшие во время погромов и продолжающие появляться в информационном пространстве Казахстана, не были решительно осуждены властями. Растиражированные слова старейшин казахских сел и посты известных блогеров, пропитанные шовинизмом и ненавистью в отношении дунган, находят горячее одобрение — об этом можно судить по многочисленным одобрительным комментариям их аудитории. О том, что с межэтническим согласием в Казахстане дело обстоит напряженно, свидетельствует абсолютно неадекватная, яростная реакция на обращение Коалиции НПО Казахстана против пыток, в котором правозащитники осудили полицейский произвол и призвали расследовать случаи пыток дунган и жестокого обращения с ними³. 30 апреля Коалиция заявила⁴, что на мобильный телефон юриста Казахстанского международного бюро по правам человека стали поступать угрозы: звонившие расценили обращение как поддержку обвиняемых по национальному признаку. Агрессивно-националистические угрозы, связанные с обращением Коалиции в защиту дунган, стали частью кампании травли, развернутой в СМИ и социальных сетях против главы Бюро Евгения Жовтиса⁵.

Многим казахстанским аналитикам сейчас становится очевидно, что к вспышкам страшного насилия привела тактика отрицания проблем межэтнических отношений в казахстанском обществе, существовавшая многие годы. При Нурсултане Назарбаеве, который позиционировал себя главным гарантом мирного сосуществования разных этносов в стране, общественной дискуссии об этих проблемах не было, ее заменяла красивая картинка под девизом «межнациональное согласие — наша главная ценность». Сейчас многие признают, что вся система национальной политики страны находится в глубочайшем кризисе, и, как показали события в Кордае, казахстанское общество оказалось не готово признать равенство прав всех этносов без дискриминации, а предпочитает привычную парадигму «свои — чужие». Если действующая власть будет и дальше заигрывать с националистами, а этническая дискриминация и межнациональные проблемы будут отрицаться и замалчиваться, под угрозой окажется языковое и культурное многообразие, да и мир и согласие в стране.

3 Коалиция НПО против пыток, Обращение в связи с полицейскими рейдами в пострадавшие села Кордайского района <https://www.notorture.kz/obrashhenie-v-svyazi-s-policzejskimi-rejdami-v-postradavshie-sela-kordajskogo-rajona>

4 Коалиция против пыток, Заявление по поводу угроз в отношении координатора Коалиции НПО Казахстана против пыток <https://www.notorture.kz/zajavlenie-po-povodu-ugroz/>

5 <https://www.frontlinedefenders.org/ru/case/smear-campaign-against-human-rights-defender-evgeniy-zhovtis>

НАРУШЕНИЯ ПРАВ ПАМИРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРНО-БАДАХШАНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ ТАДЖИКИСТАНА: ЭСКАЛАЦИЯ 2021-2022 ГГ.

Конфликт, разгоревшийся в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана между местным населением — памирцами — и республиканскими властями, длится уже почти 10 месяцев. За это время в ходе подавления протестов погибли и были ранены десятки жителей региона; несколько десятков памирцев, включая гражданских активистов, находятся под следствием, некоторые из них уже осуждены и получили реальные, нередко огромные, сроки заключения. Практически сразу после начала эскалации власти Таджикистана увеличили военное присутствие в регионе и на полгода отключили в ГБАО интернет и мобильную связь. При этом попытки журналистов узнать, что происходит в регионе, строго пресекались. В настоящее время МВД Таджикистана заверяет, что ситуацию удалось взять под контроль. Между тем отказ властей от диалога и жесткое подавление протестов способствуют лишь растущему недовольству и недоверию жителей ГБАО и создают риск новых конфликтов.

Протесты в Хороге 25 ноября 2021 года

Протесты в ГБАО (главным образом, в Хороге, где на площадь вышли сотни людей) начались 25 ноября. Поводом послужила гибель во время спецоперации силовых ведомств Таджикистана 29-летнего местного жителя Гулбиддина Зиёбекова, который, по официальной версии властей, находился в розыске по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч.3 ст.189 («Возбуждение национальной, расовой, местнической или религиозной вражды») и ч.3 ст. 181 («Захват заложника организованной группой») УК РТ. В заявлении прокуратуры ГБАО говорилось, что при задержании Зиёбеков оказал вооружённое сопротивление работникам правоохранительных органов и ответным огнем был ранен. Родные и близкие Зиёбекова опровергли информацию о его сопротивлении силовикам и настаивали на том, что во время задержания он был безоружен. В этот же день стало известно, что от полученных ранений Зиёбеков погиб — в его теле нашли семь пулевых ранений, из которых четыре пули попали в ноги, три других в области глаза, сердца и живота.

Сообщение о смерти Зиёбекова распространилось мгновенно. Для многих его смерть стала шоком. За два часа в Хороге у здания администрации области собралось около двух тысяч человек, которые потребовали от властей привлечения к ответственности виновных в гибели Зиёбекова, отставки нового главы области, вывода военных из Хорога и восстановлении интернет-связи, которая была отключена практически сразу после распространившейся вести о смерти Зиёбекова. По словам местных жителей, люди собрались абсолютно стихийно, устав от произвола силовиков при полном бездействии власти, однако власти заявили, что определенные группы воспользовались ситуацией и призвали народ к противоправным действиям.

Митинги продолжались четыре дня. В ходе противостояния с милицией погибли еще двое молодых людей (Гулназар Муродбеков и Тутишо Амиршоев), было ранено около 10 человек из числа протестующих, пострадали пять милиционеров и три сотрудника ГКНБ. Жители Хорога утверждают, что их протест был мирным, а милиция неоправданно жестоко действовала в отношении собравшихся на площади и стреляла по безоружным.

Неудавшийся диалог с властями: преследование активистов из «Комиссии 44»

28 ноября 2021 года протестующие разошлись после того, как представители власти дали обещание выполнить их требования: не преследовать участников митинга, провести быстрое, беспристрастное и эффективное расследование гибели Зиёбекова, Муродбекова и Амиршоева, восстановить интернет и все виды связи в ГБАО.

Тогда же было достигнуто соглашение о том, что 44 гражданских активиста из разных районов ГБАО будут следить за ходом расследования. С начала своего созда-

ния «Комиссия 44» информировала жителей ГБАО о ходе следствия, выступая с критикой в адрес местных властей, Генпрокуратуры и других ведомств силового блока. Члены группы обращались к главе государства Эмомали Рахмону, к председателю верхней палаты парламента Рустаму Эмомали, прося их взять ситуацию под контроль и ссылаясь на неспособность местных силовых структур достичь стабильности в регионе. Однако уже 19 января 2022 года активисты выступили с заявлением о прекращении сотрудничества с властями, так как ни одно из обещаний, данное жителям ГБАО, так и не было выполнено.

Реакцией властей стало усиление давления на членов «Комиссии 44» и других участников протестов, в том числе на выходцев из ГБАО, живущих за рубежом. Так, 28 мая 2022 года после допроса в местной прокуратуре 13 человек — члены «Комиссии 44» и близкие к ним гражданские активисты — были задержаны по обвинению в незаконном получении финансовых средств и инструкций из-за рубежа для организации массовых протестов в Хороге и Рушанском районе ГБАО.

Двое активистов «Комиссии 44» уже осуждены: 64-летний Шафтолу Бекдавлатов и 58-летний Худжамри Пирмамадов приговорены к 18 годам тюремного заключения по обвинению в организации преступного сообщества (преступной организации) и получении финансовой помощи из-за рубежа. Во время следствия они были лишены доступа к адвокатской помощи. Представлять интересы обвиняемых согласился известный юрист Фаромуз Эргашев, однако он, как и его подзащитные, был задержан и обвинен в совершении тех же деяний, и до сих пор находится в СИЗО ГКНБ в Душанбе. Под следствием также находятся: гражданские активисты Музаффар Муборакшоев и Бахтовар Бахтиёров; Манучехр Холикназаров, глава Ассоциации юристов Памира и член Коалиции гражданского общества против пыток и безнаказанности в Таджикистане, он обвиняется по ст. 187 УК РТ («Участие в преступном сообществе»), ему грозит лишение свободы на срок от 8 до 12 лет. В СИЗО ГКНБ находится известный блогер, популяризатор памирской культуры и истории Хушруз Джумъаев, известный под псевдонимом Хушом Гулям.

Не найдя поддержки в Таджикистане, памирские активисты обратились в международные органы с заявлением¹ о необходимости демилитаризации региона; полного восстановления интернета и мобильной связи; немедленного доступа представителей местных и международных СМИ в регион; открытого и справедливого расследования событий ноября 2021 года, приведших к гибели и ранениям людей и вызвавших протесты населения; доступа в регион независимых наблюдателей, правозащитников, представителей международных организаций, таких как ООН и ОБСЕ, с целью мониторинга ситуации и недопущения новой волны насилия.

1 <https://adcmemorial.org/novosti/tadzhikistan-eksperty-oon-prizyvayut-zashchitit-prava-pamirczev-v-gbao/>

Рабочая группа экспертов Совета ООН по правам человека заявила:

«Игнорирование властями Таджикистана жалоб памирцев и все большее вовлечение служб безопасности в Горно-Бадахшанской автономной области, где они проживают, может привести к насильственному конфликту, если не принять меры. Мы обеспокоены попытками подавить протестные движения памирцев путем арестов, чрезмерного и незаконного применения силы и привлечения военных. Мы также призываем власти предотвратить проявления стигматизации протестующих памирцев».

Однако даже после того, как ситуация в ГБАО привлекла внимание международного сообщества, преследования активистов продолжились, а расследование ноябрьских событий так и не было проведено. Кроме того, памирцев стали задерживать не только в Таджикистане, но и в других странах. Так, за последние полгода в России были задержаны и депортированы в Таджикистан около двадцати активистов памирской диаспоры.

Эскалация в мае 2022 года: многочисленные жертвы в Рушанском районе

«Во время митинга сотрудники ГКНБ, вооруженные автоматами, ходили вдоль автодороги в центре Хорога и громко обзывали местных молодых людей оскорбительными словами, хотя на улице находились женщины и дети. Сотрудники ГКНБ провоцировали местную молодежь на конфликт. Приезжие сотрудники из других регионов Таджикистана не понимают и не знают обычаи и традиции памирцев, часто они презрительно называют памирцев «гансами», как во время Гражданской войны в Таджикистане 1991-1997 гг.». — Н.М., житель Хорога

Очередная эскалация конфликта в Бадахшане произошла 14 мая 2022 года, когда несколько сотен жителей Хорога вышли на акцию протеста и потребовали отставки главы области Алишера Мирзонабота и мэра Хорога Ризо Назарзоды, снятия всех блокпостов в Хороге и прекращения преследования памирцев после ноябрьских протестов. Власти отказались выполнять их требования и уже 16 мая в Рушанском районе ГБАО были перекрыты центральные дороги, на блокпостах появились бронетранспортеры нацгвардии и вооруженные люди в масках. Вечером, когда протестующие приблизились к центральной площади, по ним начали стрелять резиновыми пулями. В результате один человек погиб, шестеро были ранены. 17 мая, несмотря на то что во всей области было перекрыто движение, местные жители устроили очередную акцию протеста, закончившаяся столкновением с силовиками, которые в этот раз применили не только резиновые пули и слезоточивый газ, но и боевое оружие, — погибли двое, были ранены не менее 15 человек.

18 мая власти Таджикистана объявили о начале «антитеррористической операции» в ГБАО. В этот день в городе Вамар Рушанского района произошли самые кро-

вопролитные столкновения между правительственными войсками и местными жителями. Журналистка Анора Саркорова процитировала слова местного жителя: «Вамар — как Буча. Везде трупы. Ищут людей. Везут в отделы милиции и ГКНБ на допрос и избивают до смерти».

Подробную информацию о произошедшем в те дни в Вамаре получить сложно, поскольку интернет в регионе отключен, а СМИ Таджикистана, такие как агентство «Азия-Плюс» и другие, заявили о невозможности освещать события из-за давления властей. Однако жители Рушанского района называют произошедшее не иначе как «зачистка». Местные жители сообщали, что силовики забирали мужчин в пограничную комендатуру — из домов и из больницы, пытали их и даже убивали после допросов. Анора Саркорова называет имя одного из таких погибших — 44-летнего Шухрата Руштова. Сообщалось о многочисленных актах мародерства силовиков. Есть неподтвержденные сведения о гибели 7 человек, находившихся в саду в Вамаре, от обстрела снарядами с вертолета и о том, что снайперы расстреляли тех демонстрантов, которые пытались скрыться в горной местности. По мнению активистов, собравших данные с мест, в связи с протестами в мае 2022 года были убиты 39 человек (33 в Рушане, 6 в Хороге). Похоронить удалось менее 30 погибших, так как остальные пропавшие до сих пор не найдены. Есть слухи о том, что тела убитых бросали в реку, поэтому местные жители сомневаются, что их вообще найдут.

Официальные таджикистанские СМИ пишут совсем другое: «спецоперация по нейтрализации вооруженных боевиков в Рушанском районе Горно-Бадахшанской автономной области страны завершена», ни один мирный житель не пострадал, а были убиты и «попали в плен» только «террористы», оружие было заранее ввезено из-за границы, среди «боевиков» были «иностранные наемники». Существенно разнятся данные о погибших и раненых, о применении протестующими оружия (МВД перечисляет сорта захваченных пистолетов и пулеметов, соцсети пишут, что огнестрельного оружия у протестующих не было).

Памир после завершения активной фазы протестов

Сейчас в регионе присутствует значительный военный контингент: более 3,500 солдат и офицеров, большое количество военной техники, в том числе бронетехники. На территории ГБАО установлены несколько блокпостов, на которых проходят досмотры автомашин. Наши источники сообщают, что во время досмотра представители правоохранительных органов оскорбляют и унижают жителей, в том числе женщин, вымогают у них деньги, что провоцирует памирцев на ответную реакцию. Отмечены случаи грубого поведения сотрудников правоохранительных органов в общественных местах, сознательное нарушение ими правил дорожного движения, в том числе вождение в нетрезвом состоянии, что приводило к авариям, в которых страдали и даже погибали местные жители.

«Сотрудники силовых структур ГБАО ходят по домам и организациям города Хорога и области, заставляют население говорить неправду о ситуации с убийством Гулбидина и митингом в ноябре 2021 года. Под угрозами увольнения и преследования родственников требуют на камеру читать подготовленный текст. Под разными предлогами задерживают памирских молодых ребят и вызывают на допросы, чтобы их запугать и подавить дух. Создаются все условия для того, чтобы населения области выезжало с семьями» - Т.С. жительница Хорога.

С середины мая таджикские силовики продолжают проводить «спецоперации» в различных районах ГБАО, в результате которых уже погибли десятки человек. Известно, что 12 июня в Хороге были убиты два неформальных лидера памирцев Хурсанд Мозоров и Зоир Раджабов. Днем ранее МВД Таджикистана объявил об аресте трех других лидеров Горного Бадахшана — Толиба Аёмбекова, Мунаввара Шанбиева и Ниезшо Гулобова. Им предъявлены обвинения в причастности к серии тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе — убийства, хулиганство, разбой, контрабанда наркотиков, оружия и драгоценных камней, создание ОПГ, бандитизм, разжигание ненависти на почве регионализма. 23 августа в областном суде Хорога известный активист и фермер Сорбон Юноев был приговорен к 10 годам лишения свободы по обвинению в экстремизме за организованные им в Хороге соревнования по борьбе ко дню «Рузи Нур» - ежегодному празднованию первого визита имама Ага-хана IV в ГБАО 25 мая 1995 года, которое в настоящее время запрещено правительством Таджикистана. В вину ему вменялось и то, что он выступал с публичным заявлением по поводу строительства огромного флагштока с флагом Таджикистана в районном центре в Рошткале: «Лучше бы потратили средства на ремонт школьных зданий».

3 августа в следственном изоляторе Душанбе начался судебный процесс над памирцами, участвовавшими в акциях протеста. По сведениям Генеральной прокуратуры Таджикистана, по делу проходят около 80 человек. «Главную роль» в организации массовых беспорядков власти приписывают Холбашу Холбашеву, генералу пограничных войск на пенсии, и гражданской активистке и журналистке Ульфатхоним Мамадшоевой; по делу проходит также журналист Хурсанд Мамадшоев. Их обвиняют в незаконном получении финансовых средств и инструкций из-за рубежа для организации массовых протестов в Хороге и Рушанском районе ГБАО.

Продолжается преследование памирцев за границей. Так, в августе в Москве был задержан гражданский активист Максуд Гаёсов; 1 сентября, также в Москве были задержаны двое уроженцев ГБАО — Мамадбек Атобеков и Мансур Дилдорбеков. По словам близких Атобекова, на его задержание вместе с сотрудниками полиции пришли двое представителей силовых структур Таджикистана. О судьбе активистов пока ничего неизвестно. Близкие даже не знают, в каком СИЗО они находятся. Власти России и Таджикистана никак не комментируют их задержание, но родственники задержанных утверждают, что Таджикистан запросил экстрадицию около 350 памирцев, живущих в России. Всех их могут депортировать в Таджикистан, где их жизни и свободе угрожает опасность.

Из-за всего перечисленного жители ГБАО находятся в постоянном напряжении, испытывают страх за себя и членов своих семей, боятся выходить из дома и отпускать детей. Многие из них находят аналогии сегодняшним событиям в прошлом — в периоде гражданской войны 1993-1997 гг. и массовых волнений 2012 года.

Предвзятое отношение к памирцам и полный отказ власти от диалога с населением Памира - причина непрекращающихся конфликтов

Протесты в ГБАО с последующей жесткой реакцией на них властей Таджикистана происходили в последние десятилетия неоднократно. Наиболее драматическое из подобных событий случилось в 2012 году, когда в Хороге и окрестностях имело место вооруженное противостояние армии Таджикистана и местного населения, воспринятое памирцами как попытка этнической чистки, агрессия в отношении народа в целом. Тогда по неофициальным данным из числа жителей Хорога погиб 21 человек, а число погибших со стороны правительственных сил, по официальным данным, составило 23 человека.

Уже тогда независимыми экспертами были зафиксированы серьезные нарушения прав человека: так же, как и сейчас, население региона находилось в информационном вакууме, во время военной операции была отключена мобильная связь, отмечены случаи использования мирных жителей как «живого щита», эффективное расследование гибели мирных жителей не было проведено, не была дана правовая оценка действиям военных и официальных лиц, санкционировавших военную операцию и принимавших в ней участие, не был возмещен материальный ущерб. В 2013 году в ГБАО, несмотря на нормализацию обстановки, было многократно усилено военное присутствие и установлены блокпосты, что способствовало лишь растущему недовольству и недоверию памирцев к власти.

Последствия противостояния 2012 года до сих пор не преодолены, что многими воспринимается как причина нынешнего конфликта. Однако то, что происходит на Памире сегодня, имеет более глубокие корни.

Хотя предвзятое отношение к памирцам властью отрицается, их выявляют визуально, по характерному акценту в таджикском языке, по указанному в паспорте месту рождения; их не учитывают отдельно при переписи населения (записывая таджиками); памирцев, в большинстве исповедующих исмаилизм, нередко считают «неправильными» мусульманами; языками памирцев на государственном уровне пренебрегают, хотя они довольно хорошо описаны и для них разработаны учебные материалы.

Памирцев не назначают на ведущие должности, считая их нелояльными и подозревая регион в целом в сепаратизме. Руководство и подавляющее большинство сотрудников силовых структур в ГБАО — это выходцы из других регионов Таджикистана. С ростом их числа жители ГБАО связывают высокий уровень коррупции и беззакония

и такие факты, как произвольное возбуждение уголовных дел, вымогательство (в том числе у представителей бизнеса), получение фальшивых признаний под жестокими пытками, обвинительный уклон правосудия, грубое и неэтичное поведение сотрудников силовых органов, в том числе по отношению к женщинам.

В сравнении с другими областями Республики Таджикистан ГБАО — экономически отсталый и дотационный регион. Большая часть населения Памира живет в нужде из-за безработицы, высоких цен (на 30% выше, чем в других регионах). Авиасообщение с ГБАО давно прервано, путь туда из Душанбе по горным дорогам занимает 10-12 часов, зимой — с риском для жизни.

Непризнание этнической самобытности, ценности памирских языков и культуры со стороны государства, отсутствие государственной поддержки в области образования, игнорирование памирцев при переписи населения воспринимается памирцами как угроза намеренной постепенной ассимиляции и лишь усиливает конфронтацию между памирцами и таджиками.

Таким образом, пренебрежение к культуре и языкам памирцев, игнорирование их самоидентификации, недостаточное внимание к экономическому развитию ГБАО, инфраструктуре, а главное — недостаточная представленность памирцев во власти и менеджменте, милитаризация региона привели к протестам в ноябре 2021 года и их подавлению, к последующей за этим «антитеррористической операции» с многочисленными жертвами и непрекращающимся преследованиям памирцев не только в Таджикистане, но и России.

На момент написания этого текста интернет и мобильная связь в ГБАО были восстановлены во всех районах. Несмотря на то, что ГБАО больше не находится в информационной блокаде, по телевидению транслируются материалы, односторонне представляющие ситуацию. В СМИ сообщается, что власти запретили 66 участникам митинга покидать ГБАО, а также о давлении на представителей гражданского общества, допущенных к информации о расследовании (их заставляли выступить на телевидении с осуждением митинга).

В августе 2022 года было СМИ Таджикистана анонсировали поездку президента Таджикистана в ГБАО, во время которой планируется торжественное открытие ряда объектов инфраструктуры. Между тем, настроение населения ГБАО в целом депрессивное. Это может быть проиллюстрировано словами жителя Рушанского района²:

«Если поездка состоится, люди будут вынуждены приветствовать его, но в сердцах у них нет никакой благодарности властям. В Хоробе и в Рушане почти не осталось людей, чьи бы родственники не были бы убиты или арестованы».

2 <https://rus.ozodi.org/a/31997901.html>

О СОБЫТИЯХ В КАРАКАЛПАКСТАНЕ В НАЧАЛЕ ИЮЛЯ 2022 ГОДА

(предварительная оценка)

Алишер Ильхамов, Central Asia Due Diligence

Этот доклад является предварительной оценкой событий и нуждается в дальнейшем уточнении по мере поступления дополнительных данных о том, что произошло, что станет возможным благодаря расследованию, независимому от политического давления. Предлагаемый обзор основан исключительно на сообщениях прессы.

Вкратце о том, что произошло, и причинах

В начале июля 2022 года в республике Каракалпакстан, входящей в состав Узбекистана, произошли волнения и их жестокое подавление силовыми подразделениями, прибывшими из Ташкента.

Основные события произошли с 1 по 3 июля, но напряженность стала возрастать уже после публикации 25 июня проекта конституционных поправок, в числе которых были изменения шести статей (70 — 75), по которым до настоящего времени Республика Каракалпакстан обладала суверенным статусом в составе Узбекистана и правом выхода из страны, если за это проголосует на референдуме большинство жителей республики. Эти изменения, ликвидирующие суверенный статус республики, не обсуждались до того широко в республике, что и вызвало протесты у ее граждан.

Триггером, побудившим жителей Нукуса выйти массово на улицы, стал арест 1 июля местного неформального лидера общественного мнения юриста Даулетмурата Таджимуратова, но первоначально протест носил достаточно мирный характер. Применение силовыми органами спецсредств (слезоточивый газ, дымовые шашки, шумовые гранаты и резиновые пули) началось только около полуночи того же дня, когда большая толпа собралась у здания Жокаргы Кенес (парламента республики). К этому времени уже стали прибывать подразделения Национальной Гвардии из Ташкента. Появились первые жертвы.

Но основные жертвы среди населения имели место 2 июля, когда подавлением протестов занялась Нацгвардия, действовавшая намного более жестоко, чем местные органы внутренних дел. Были единичные случаи насилия и со стороны протестующих, но в основном в ответ на жестокость со стороны силовых органов, которые стали, по свидетельству местных жителей, применять огнестрельное оружие.

Протесты были полностью подавлены к утру 3 июля, но введенное чрезвычайное положение в республике было отменено только 21 июля.

Жертвы

По официальным данным погиб 21 человек, включая 4 сотрудников силовых органов, ранено 243, из них 94 в критическом состоянии, 516 подверглось аресту. Однако многие местные жители не верят этой статистике и утверждают, что убитых было намного больше.

По данным местных врачей, на которых ссылается журналист Газета.уз, по итогам только первых двух дней было убито 77 человек.

По данным оппозиционера Амана Сагидуллаева, проживающего в Норвегии и уже давно выступающего за выход Каракалпакстана из состава Узбекистана, убито 300 и ранено 1000 человек.

На мой взгляд, ввиду явной мотивации к преуменьшению числа жертв в первом случае и к преувеличению в третьем, более достоверными, видимо, является цифра, сообщенная врачами, то есть в пределах 77 убитых.

Основные выявленные проблемы

Поправки

Конституционное положение о праве выхода из состава Узбекистана является действительно уникальным на постсоветском пространстве. У руководства страны были, очевидно, опасения, что однажды этот конституционный статус суверенной республики может привести к угрозе территориальной целостности Узбекистана. Однако власти, готовя поправки, не подготовили общественное мнение в этой республике, не провели обсуждений и разъяснений среди населения. Поправки были обрушены как снег на голову жителей республики. Формально инициатива об изменении статей о суверенитете исходила от депутатов Жокаргы Кенес, однако на самом деле, скорее всего, эта «инициатива» была спущена сверху, из Ташкента.

Надо отдать должное тому, что президент уже 2 июля объявил об отзыве поправок. Однако это решение не сразу достигло жителей Каракалпакстан из-за информационной блокады республики, поскольку доступ к интернету в Каракалпакстане был почти полностью заблокирован уже к вечеру 1 июля. Кроме того, эта уступка не была дополнена более толерантным отношением силовых органов к протестующим. Из-за этого эффект этой уступки оказался очень ограниченным.

Применение силы против протестующих

Как было отмечено, помимо спецсредств, по всей видимости, против протестующих было использовано огнестрельное оружие. По крайней мере, участники событий говорили, что слышали выстрелы. Судя по масштабам жертв, можно говорить о высокой вероятности того, что огнестрельное оружие силовыми органами применялось.

Произвольные задержания и пытки

Местонахождение некоторых задержанных, их состояние здоровья до сих пор неизвестно. По свидетельству местных жителей, тела погибших возвращали при условии, что родственники подпишут документ о том, что жертвы скончались, находясь в нетрезвом состоянии. Власти обязывали хоронить погибших быстро, не позволяя их семьям соблюдать необходимые национальные ритуалы, а тем более заказывать судебно-медицинскую экспертизу тел перед захоронением.

Особое беспокойство вызывает судьба двух арестованных лидеров общественного мнения, Даулетмурата Таджимуратова и журналистки Лолагул Каллыхановой. О состоянии их здоровья ничего не известно, родственникам не дают встретиться с ними. Сообщалось по крайней мере о двух случаях, когда арестованные скончались в местах задержания. Парламентская комиссия, которая была создана для расследования событий, до сих пор не сообщила, удалось ли им встретиться с этими и другими задержанными в местах их изоляции.

Доступ к информации

Доступ к интернету был ограничен уже 27 июня, но полностью заблокирован к вечеру 1 июля, что привело к тому, что многие в республике не были осведомлены о том, что президент объявил об отзыве поправок. Только 18 июля стали включать интернет, и то только на час в день. К 24 июля доступ немного увеличился, но только на несколько часов, при этом интернет оставался недоступен вечером.

В самый первый день протестов въезд в республику был резко ограничен, из-за чего пресса не оказалась на месте в самый разгар событий, то есть 1 и 2 июля. Прибывшей в Нукус 3 июля британской журналистке Джоанне Лиллис власти препятствовали в проведении ее журналистского расследования и во время задержания принудительно удалили фото и видео из ее гаджета.

Власти массово изымали у граждан гаджеты, где запечатлены фото и видео с мест событий, и требовали их удаления. Тем самым сужается первичная информационная база, которая бы позволила получить достоверную картину того, что происходило с 1-го по 3-е июля. Некоторым местным журналистам удалось прибыть в Нукус только начиная с 3 июля.

Свобода ассоциаций

Из-за все еще действующих со времен Каримова ограничений на регистрацию инициативных неправительственных организаций, не оказалось достаточного количества профессионально работающих таких организаций, особенно по правам человека, которые бы наряду с прессой могли бы вовремя начать работу по мониторингу и документированию событий и предполагаемых нарушений прав человека властями.

Сравнение с Андижанскими событиями мая 2005 г.

Такое сравнение необходимо для оценки значения указанных событий и действий властей в контексте постсоветской истории Узбекистана. В Андижане каримовский режим устроил настоящую бойню, расстреливая толпу протестующих из крупнокалибер-

ных пулеметов, автоматов и снайперских винтовок. В результате, по официальным данным, тогда погибло 187 человек, из них 27 сотрудников правоохранительных органов, а по данным правозащитных организаций и активистов гражданского общества - более 500 человек.

Сравнение, конечно, не в пользу Каримова, который не только жестоко подавил протесты, но и полностью проигнорировал призывы к независимому расследованию. В данном случае масштабы жертв и применение огнестрельного оружия были сравнительно меньше. Помимо этого, президент Мирзиёев сразу пошел на уступки по главному вопросу, о конституционных поправках, а после событий позволил создать парламентскую комиссию по их расследованию, в состав которой включили трех представителей гражданского общества, а также представителей Каракалпакстана.

Тем не менее, в целом действия властей и в данном случае оказались довольно типичными для авторитарных режимов и той политической культуры, которая характерна для таких режимов. Имеется в виду отсутствие должного диалога и консультаций с обществом при подготовке важных для этого общества решений. Это все еще фактически отсутствующее право граждан на мирные уличные протесты, а также чрезмерное применение силы при их подавлении. Это массовые произвольные задержания, а также пытки в местах задержаний. Это отсутствие доступа к информации во время и после событий. Это слабость гражданского общества, причиной чему является прежде всего все еще остающиеся в стране ограничения на свободу ассоциаций.

Что необходимо в первую очередь

Сейчас важно, пусть и постфактум, провести независимое расследование, чтобы получить объективную и всестороннюю картину того, что произошло, выявить лиц, которые должны нести ответственность за жертвы. Вряд ли можно полностью полагаться на результаты расследования парламентской комиссии. Прежде всего потому, что большинство ее составляют депутаты, представители карманных партий, полностью подконтрольных исполнительной власти. Ввиду отсутствия в стране достаточно развитого организованного общества необходимо сформировать международный состав комиссии, куда бы вошли представители соответствующих структур ООН (Спецпроцедур, комитетов по гражданским и политическим правам, а также Комитета против пыток), а также международных правозащитных организаций с высокой репутацией, таких как Human Rights Watch и Amnesty International.

ADC Memorial Brussels
Rue d'Edimbourg 26
1050 Ixelles, Belgium
adcmemorial.org